

ПРОЕКТНОСТЬ В ГОРИЗОНТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН: МЕЖДУ НООСФЕРОЙ И ТЕХНОГЕНЕЗОМ¹

1

Концепт проектности представлен в одной из наиболее развернутых дефиниций как присущий «...не только деятельности проектирования (как ее функциональный результат), но также языку, культуре, среде человеческого обитания... и всем вообще мыслимым, сознаваемым и предощущаемым возможным мирам. Проектность — это интенциональная, рефлексивно-коммуникативная реализация корневой устремленности жизни/деятельности человека и того осевого времени, в котором она, импульсируя, продвигается»². Проектность (проектное мышление, бизнес-мышление, инженерное видение мира по машинным образцам) предполагает техноморфность. От Ф. Бэкона, Р. Декарта, А. Сен-Симона, К. Маркса и до нашего времени нарастающее техническое господство человека над природой провозглашалось в качестве фундаментальной парадигмы, причем это господство само по себе предполагало оптимальное функционирование социума³. Великие умы XVII–XVIII веков полагали, что несчастья народов объясняются нехваткой материальных средств жизни. Люди злы, потому что они голодны — у них недостает соответствующего их потребностям жилища и одежды. Мол, если с помощью научно-технического прогресса всех накормить и одеть, обеспечить жилищем, то социальные конфликты будут преодолены. Однако реальное цивилизационное развитие показало утопичность таких надежд. Напротив, создание изощренной культуры технических средств, особенно в военном плане, привело народы к огромным жертвам. Этот тезис актуален сегодня потому, что в начале XXI века человечество снова выходит на уровень тотальной войны.

¹ Исследование поддержано грантом РФФИ № 18-011-00798 «Инструментальные стратегии развития национального самосознания России: социально-философское исследование технологий скриптизации бытия».

² *Генисаретский О. И.* Пreamбула о проектности // Архив ПРОМЕТА. URL: <http://prometa.ru/projects/projectivity/0> (дата обращения: 02.12.2018).

³ *Netopilik J.* Zur Subjekt-Objekt-Beziehung im Sozialismus // Deutsche Zeitschrift für Philosophie. 1972. № 2.

Идея коммунизма, особенно в российском сознании, выступала как «любимое дитя» и закономерный вывод из техногенной проективистской парадигмы западной цивилизации. В СССР была разработана Программа КПСС (1961), согласно которой к 1980 году предполагалось построить материально-техническую базу коммунизма⁴. Вообще, если подойти к этому проекту с точки зрения отвлеченных технических возможностей, то такая база, без сомнения, реальна. Однако крах Коминтерна, а затем и СССР предстал как предвидение неудачи вестернизированного концепта глобализма и, возможно, как предвестник судьбы всей западной цивилизации.

Человеческий мир как технический проект, мыслимый в рамках новоевропейского проективизма, предполагает три момента: 1) цели, имеющие в качестве ценностей специфический эвдемонизм («наибольшее счастье для наибольшего количества людей»); 2) средства реализации этих идей; 3) фактические результаты реализации. Сущность техники, воплощенного средства как такового, являет собой материальную реализацию проективистской парадигмы. Предполагается, что техника бытийствует *между* субъектом и объектом. В одном отношении техника является как *инобытие субъекта*, как наше второе «я», как «опредмеченные сущностные силы человека». Но в другом отношении она, претерпевая отчуждение, оказывается *объектом*, который может показаться равнодушным. Однако техносфера не нейтральна, но амбивалентна. «В самом злом плену у техники... мы оказываемся тогда, когда усматриваем в ней что-то нейтральное; такое представление, в наши дни особенно распространенное, делает нас совершенно слепыми к ее существу»⁵. Амбивалентное, промежуточное состояние техники между субъектом и объектом есть следствие того, что она осмысливается как функционирующее средство в системе «цель–средство–результат». Цель никогда не реализуется таким образом, как она была задумана. В средствах по причине их материальности, а стало быть,

⁴ Программа КПСС : принята XXII съездом КПСС, 1962 г. М., 1974.

⁵ Хайдеггер М. Вопрос о технике // Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993. С. 221.

актуальной бесконечности таятся не только те свойства, которые замыслил использовать инженер, но и *другие*, которые он в своем «проектном мышлении» предусмотреть не мог. Поэтому результаты, особенно при длительном использовании, оказываются не такими, как задумывалось. Техника всегда чревата непредсказуемым. Выступая как потаенный носитель Иного, техника, в сущности, оказывается «серой магией»⁶. Образ техники — Мефистофель, якобы «абсолютный слуга», появляется в «Фаусте» поначалу как собака — метафора абсолютной услужливости. Мефистофель готов исполнить любую прихоть человека. Но через эту услужливость эволюция техники угрожает захватить власть над человеком, который оказывается безответственным, если забывает о своей обязанности философской рефлексии.

А. Е. Ферсман осмысляет природную объективность технического прогресса в сциентистских терминах XX века как *техногенез*. Последний вовсе не сводится к послушному исполнению человеческих «заданий», но представляет собой тип минералообразования, порожденный в качестве эпифеномена хозяйственной деятельностью человека⁷. Во все не человек оказывается целью технического прогресса. Человек всего лишь *агент* в геологическом процессе эволюции земной коры. Подобно этому моллюски, оставившие после себя меловые залежи, были всего лишь агентами минералообразования. Э. В. Ильенков, «инверсируя» мысль А. Е. Ферсмана, предрекал жертвенное самоубийство всего человечества во имя «преодоления второго закона термодинамики»: «Смерть мыслящего духа становится подлинно творческим актом — актом, который превращает обледеневающие пустыни межмировых пространств, погруженные во мрак, во вращающиеся массы раскаленных, светлых, теплых солнечных миров — систем, которые становятся колыбелями новой жизни, нового расцвета мыслящего духа,

⁶ Булгаков С. Н. Искусство и теургия (фрагмент) // Русская мысль. 1916. № 12. Вторая пагинация. С. 1–24.

⁷ Ферсман А. Е. Геохимия : в 4 т. Л., 1934. Т. 2. С. 27.

бессмертного, как сама материя...»⁸ Однако этот «ликующий фатализм» Эвальда Ильенкова предстает скорее как своеобразная космическая ирония.

2

Техногенез не есть единственное, что порождено мировой человеческой историей. Случился фундаментальный поворот в период между 800 и 200 годами до н. э. — возникло *осевое время*. Его суть — в утверждении *идеи ноосферы*. Ноосфера выступает как начало, комплементарное техногенезу, но диалектически единое с ним событие человеческой истории. За 500 лет произошел, как говорит К. Ясперс, самый резкий поворот в человеческой истории. Появился человек такого типа, какой — в главном — сохранился по сей день. За сравнительно короткий период в половину тысячелетия в мучительном преодолении мифологии констеллировались искусство, религия и философия, составившие основу абсолютного духа. Человек смог овладеть своим интеллектом. Здесь в общих чертах возникло *самосознание*. Мыслящим образом он осознал «бытие в целом, самого себя и свои границы». Перед человеком «открылся ужас мира и собственная беспомощность. Стоя над пропастью, он поставил радикальные вопросы мировоззрения, он потребовал „освобождения и спасения“»⁹. Из существа, которое живет, чтобы есть, на этапе осевого времени человек превратился в существо, *которое ест, чтобы жить*, то есть *жить духовно*. Таким существом, несмотря на все отступления, неудачи и частичные поражения, он остается до сих пор. Вслед за Эдуардом Леруа и П. Тейяром де Шарденом В. И. Вернадский¹⁰ обозначил *современный этап ноосферы*, который, по сути, способен противостоять геологической стихии техногенеза.

Перед разумным ликом ноосферы техногенез вовсе не отступает легко. Напротив, с развитием западной цивилизации его позиции усилились. Это выразилось в новоевропейской технике, где в XX–XXI веках усилился *момент*

⁸ Ильенков Э. В. Космология духа // Ильенков Э. В. Философия и культура. М., 1991. С. 415–437.

⁹ Ясперс К. Истоки истории и ее цель // Ясперс К. Смысл и назначение истории / пер. М. И. Левиной. 2-е изд. М. : Республика, 1994. С. 32–33.

¹⁰ Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление / отв. ред. А. Л. Яншин ; предисл. А. Л. Яншина, Ф. Т. Яншиной. М. : Наука, 1991.

риска. По мере погружения в стихию техногенеза, по большей части неосознанного, техногенный риск возрастает. Нынешний этап развития предстает уже как тотальное «общество риска». Риск в западной цивилизации имеет принципиальное онтологическое основание. Ведь еще в традиции Просвещения техника осмысливается как пересечение человеческих потребностей и природных возможностей, то есть причинных рядов, независимых друг от друга. В самом принципе техники, осуществляемом западной цивилизацией, заложен концепт случайного. Инженер, вооруженный «хитростью разума», в качестве отчаянного трикстера подстерегает такую возможность, которая позволит ему превратить равнодушно-тупую природную случайность в амброзию счастливых совпадений. Инженер, выступающий в роли трикстера, воплощает современную способность к авантюрному мышлению. Речь идет о концепте научно-технического прогресса в целом — от Анри Сен-Симона до сегодняшней «третьей волны» (Э. Тоффлер), где весь научно-технический прогресс берется исключительно с позитивной стороны. По умолчанию предполагается, что технический прогресс состоит в том, что одна счастливая случайность будет сменять другую. Однако на самом деле происходит подспудное накопление ошибок. В частности, современный технический прогресс необратимо сползает от экологического кризиса к экологическим катастрофам. Люди начинают экономические и научно-технические предприятия, не зная, как их потомки будут преодолевать последствия. Скажем, более полувека назад в нашей стране развернулось интенсивное строительство атомных электростанций. Но что делать, когда ресурс реакторов будет выработан? Куда потом девать радиоактивные отходы? В 1960-х годах неявно просматривалось предположение, что за ближайшие десятилетия наука и техника существенно разовьются и «мы что-нибудь придумаем». Но «что-нибудь придумать» удастся далеко не всегда. В чернобыльской ситуации 1986 года, пока катастрофа еще не произошла, инженеры до последнего момента надеялись на счастливые совпадения, но,

увы, «не случилось». Перед нами возникает фигура инженера-трикстера — неудачника, которому не повезло.

В авантюрном мире западной цивилизации, где несчастные случаи имеют тенденцию накапливаться в непоправимое целое, господствуют иллюзии, что счастливый случай удачного технического решения всегда найдется.

Воля к технике, поступательно возрастающая в фаустовской цивилизации, есть не только отражение и рационализация стихии техногенеза, но и слепое стремление использовать технику как универсальное средство для решения человеческих проблем. Вообще говоря, такого рода интенции были в грандиозном проекте новоевропейской цивилизации, который изначально был намечен Ф. Бэконом и Р. Декартом, а потом развит и продолжает развиваться в Новейшее время гениальными инженерами, такими как Г. Форд, С. Королев, И. Курчатов, Р. Оппенгеймер, В. фон Браун, И. Маск и др.

Словом, техногенный проект западной цивилизации не оказался столь спасительным, каким он виделся на заре ее становления. Концепт проективизма в сознании народов, втянутых в ее эксцесс, воцарялся тем прочнее, чем менее осознавалась его суть. Настало время понять, что техногенез как процесс в сущности чужд априорным человеческим ценностям осевого времени. Однако стихия техногенеза до сих пор одерживает верх над аксиологией осевого времени, сияющей над бытием человечества как неподвижные звезды.

Стихия техногенеза оказалась ловушкой, ибо вернуться назад без мучительной переоценки ценностей уже нельзя. Ведь ясно, что современные 7,5 млрд человек на земном шаре не в состоянии добровольно отказаться от «приманок» технического прогресса. Проективные технологические парадигмы обещают не только удобства комфорта, оцениваемые гедонистически, но и являют собой стереотипы наших представлений о возможности *социального порядка*, пусть весьма относительного, однако вполне реального. Хрупкое «равновесие страха», обеспечиваемое в

современном мире на основе военной техники и технически организованных институтов государственной безопасности, практически не имеет альтернативы. Если бы в мире вдруг исчезла техника вообще, и особенно военная техника, то мир погрузился бы в анархию. В своей якобы одухотворенности гуманистическими целями новоевропейская техника выступает как момент будто бы становящейся ноосферы. Напротив, в своих реальных результатах техника предстает как принадлежащая миру косного вещества — равнодушного к человеку техногенеза.

Будучи бессознательно захвачены парадигмой проективизма, носящего преимущественно техногенный характер, мы попали во власть могучего геологического процесса техногенеза, который пока оказывается сильнее ноосферы. Правда, поскольку мы прилагаем усилия осознать этот факт, то уже самой рефлексией, изменяя самосознание, в определенной степени ограничиваем слепую стихию техногенеза. Преодоление стихийности техногенеза требует прежде всего интеллектуальных и нравственных усилий самосознания. Пока же, особенно в массовых представлениях, стихийно воспроизводятся прямо противоположные мировоззренческие установки, возникающие как бессознательная рефлексия техногенеза.